

**ТОРГОВАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ПОДДАННЫХ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. ***

В конце XX — начале XXI в. в мировой и, в частности, российской исторической науке возрос интерес к экономической истории. Внимание специалистов-историков привлекает широкий диапазон тем: от истории отдельных предприятий и целых отраслей экономики до истории международного товарного и валютного обмена¹. В контексте изучения экономического развития Российской империи второй половины XIX в. актуальной остается проблема функционирования и развития внутреннего рынка страны². Причем ее решение перешло в плоскость микроистории и междисциплинарных исследований, опирающихся на материалы истории, экономики, географии, социологии, юриспруденции³.

Ориентация исследователей на междисциплинарность обусловила распространение достижений «новой институциональной экономики». В трудах неинституционалистов рынок обладает определенной структурой и предстает в виде совокупности институтов. В свою очередь, институты формируют «правила игры» на рынке, которыми руководствуются его участники (субъекты). Институты находят выражение в формальных (официальном законодательстве, иных нормативных актах) и неформальных (традициях, обычаях, моральных ценностях) нормах, регламентирующих товарный обмен⁴. Теоретические разработки неинституционалистов расширяют исследовательское поле, обуславливая актуальность рассмотрения торговой⁵ правосубъектности подданных империи (в рамках решения проблемы функционирования и развития внутреннего рынка России второй половины XIX в.), как одного из институтов — правовых рамок, в которых осуществляли свою хозяйственную деятельность участники внутреннего рынка страны. Следует отметить, что в российской исторической науке уже проводились аналогичные исследования, однако касались они либо более ранних / поздних периодов истории (XVII–XIX вв.; конца XIX — начала XX в.), либо отдельных аспектов правосубъектности подданных Российской империи (налоговой правосубъектности, предпринимательской правосубъектности женщин, торговой правоспособности евреев)⁶.

С точки зрения современной теории права под правосубъектностью понимается устанавливаемое и защищаемое государством юридически значимое качество, которое не зависит от волеизъявления и желания отдельных лиц, необходимое для вступления в гражданские правоотношения⁷. Иными словами, правосубъектность понимается исследователями как способность человека

* Исследование выполнено в рамках реализации проекта «Локальный рынок товаров и услуг г. Тулы в период пореформенной России» при поддержке гранта РФФИ № 17-31-01075.

выступать в качестве субъекта прав и обязанностей⁸. Структура правосубъектности представлена правоспособностью (то есть способностью лица иметь права и обязанности) и дееспособностью (способностью своими действиями приобретать гражданские права, их самостоятельно осуществлять, создавая обязанности, а также исполнять их и нести ответственность за их выполнение)⁹. Правосубъектность лиц имеет практическую значимость в целом ряде отраслей права, особенно же — в гражданском.

По мнению современников и ученых-историков в России во второй половине XIX в. так и не сложилось особой, отдельной отрасли торгового права в силу неразвитости, неполноты и отрывочности торгового законодательства¹⁰. Торговое право России не было кодифицировано, а его нормы были разбросаны по различным законодательным актам. Торговые нормы содержались в Уставе торговом 1857 г., Своде законов о состояниях т. IX Свода законов Российской империи, Положении о пошлинах за право торговли и других промыслов 1863/65 гг., а также в целом ряде частных узаконений. Центральный же законодательный акт — Устав торговый в редакции 1857 г. — по замечанию П. П. Цитовича был «может самый запущенный и во всяком случае один из наименее удовлетворительных отделов нашего законодательства»¹¹. Даже после переработки в 1887 г. он представлял собой «склад обломков законодательной деятельности разных царствований, начиная с Петра В[еликого], отрывочно и случайно измененный и подновленный в прошлое и в нынешнее царствование»¹². В связи с этим, российские цивилисты второй половины XIX в. рассматривали торговое право в качестве специальной части гражданского¹³. Правовед А. Х. Гольмстен писал, что специальным торговым правом является «в том смысле, что частные правоотношения, коими занимается гражданское право, в торговом праве исследуются лишь постольку, поскольку они подвергаются изменению, ... известным образом комбинируются, сообразно потребностям и условиям товарного оборота»¹⁴.

Тем не менее, несмотря на подобное состояние торгового законодательства и отсутствие нормативного закрепления в русском гражданском праве второй половины XIX в. таких понятий как «субъекты гражданских правоотношений», «правоспособность и дееспособность физических лиц», цивилистами второй половины XIX в. были определены субъекты торговых правоотношений, а также широко использовались понятия «торговой правоспособности» и «торговой дееспособности»¹⁵. Субъектами торговых правоотношений признавались как физические лица, так и юридические (акционерные компании, казна). Физические лица могли вступать в подобные отношения как самостоятельно, так и объединяясь в товарищества (полные или на вере), которые обыкновенно не рассматривались в качестве юридических лиц¹⁶. По характеру участия в торговых правоотношениях субъекты подразделялись правоведами на самостоятельных (самостоятельно и от своего имени ведущих торговлю) и вспомогательных (приказчиков, поверенных или конторщиков). Исходя из этого под торговой правоспособностью понималась возможность вести торговлю от своего имени, то есть возможность быть субъектом прав и обязанностей, вытекающих из торговых сделок. Под торговой дееспособностью — спо-

способность лично вести торговлю, самостоятельно от своего имени совершать торговые сделки¹⁷.

В 1863 г. было принято Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов¹⁸, которое существенно изменило и отменило ряд норм Устава торгового 1857 г. Данное Положение провозгласило принцип свободы торговли, который подтвердился и в его новой редакции 1865 г.¹⁹ В частности, ст. 20 Положения гласила, что свидетельства на право торговли и промыслов как купеческие, так и промысловые имеют право получать лица обоюбого пола, русские подданные всех состояний, а также иностранцы. Однако несмотря на провозглашенные принципы свободы торговли и бессословности существовали ограничения, которые правоведом Н. И. Нарсесовым подразделялись на объективные и субъективные. К первым относились ограничения, касающиеся предмета торговых действий. Например, ограничения в торговле медикаментами, ядовитыми веществами, артиллерийскими снарядами, то есть обусловленные интересами фиска, общественной безопасности и нравственности. Субъективные ограничения лежали в плоскости правоспособности²⁰. В примечании все к той же ст. 20 Положения о пошлинах за право торговли 1865 г. было запрещено вести торговлю: 1) священно- и церковнослужителям, что, однако, не распространялось на их вдов и незамужних дочерей; 2) протестантским проповедникам, находящимся при исполнении обязанностей; 3) нижним воинским чинам в действительной службе²¹. Кроме того, запрещалось *от своего имени* торговать:

- 1) приказчикам товарами своего хозяина, либо своими товарами от имени хозяина без письменного на то разрешения²²;
- 2) биржевым маклерам и браковщикам²³;
- 3) членам и председателям Коммерческих судов, которые назначались правительством;
- 4) консулам в связи с несовместимостью торговли с их служебным положением²⁴;
- 5) евреям вне черты оседлости²⁵;
- 6) лицам, лишенным торговой правоспособности по суду в связи с нарушением специально-торговых постановлений, а также несостоятельным должникам²⁶.

Ограничения торговой дееспособности сводились к трем обстоятельствам: во-первых, ограничения связанные с профессиональным занятием; во-вторых, ограничения связанные с возрастом; в-третьих, ограничения для женщин. Первые ограничения представлены запретом офицерам и нижним воинским чинам в действительной службе от своего имени заниматься торговой деятельностью, однако это не исключало возможности владения торговыми (промышленными) заведениями и управления ими через приказчиков, управляющих или поверенных. Вторые ограничения в наибольшей степени иллюстрируют зависимость русского торгового права от норм гражданского. В соответствии с законами Российской империи совершеннолетним, а соответственно, дееспособным признавался подданный, достигший возраста 21 года²⁷. Причем лица до 17 лет (малолетние) являлись полностью недееспособными, то есть не имели прав и возможностей совершать какие-либо торго-

вые операции. Однако от их имени могли совершать торговые сделки родители, попечители или опекуны²⁸. Если же в силу договора дарения или наследования торговое заведение переходило к малолетнему подданному, то он имел право продолжать торговую деятельность, однако также через своих законных представителей²⁹. По достижению 17 лет несовершеннолетний имел право самостоятельно распоряжаться своим имуществом. Однако он был ограничен в совершении тех сделок, которые вели к возникновению обязательств с его стороны. Но, по замечанию Н. И. Нарсесова, существовали торговые сделки, которые не вели к возникновению обязательств³⁰. Например, купля-продажа товаров за наличные деньги. В данном случае несовершеннолетний с 17 лет имел право заниматься торговой деятельностью от своего имени, но при совершении сделок, влекущих обязательства в его отношении, несовершеннолетний обязан был заручаться согласием попечителей.

Ограничения торговой дееспособности женщины были связаны с ее семейным положением. Однако данный вопрос вызывал споры у теоретиков торгового права. П. П. Цитович, основываясь на ст. 107 Свода законов гражданских³¹, полагал, что муж — это глава семьи, а замужняя женщина — «хозяйка дома». Следовательно, без согласия мужа она не может быть и стать хозяйкой имущества (в плане распоряжения им). Профессор утверждал, что безвластие мужа над имуществом жены не устраняет его права над ее личностью как хозяйки дома, а необходимость его согласия на занятие женой торговой деятельностью есть выражение данного права³². Иной точки зрения придерживался А. Х. Гольмстен, отмечавший, что статус жены как «хозяйки дома» не влек юридических последствий. По его мнению, единственным ограничением торговой дееспособности замужней женщины является норма в вексельном уставе, где указывалось: «обязываться векселями замужняя женщина может лишь с согласия мужа»³³. Н. И. Нарсесовым также подтверждалась торговая дееспособность замужней женщины, свидетельством чему служил ряд статей Положения о пошлинах за право торговли³⁴, хотя им и признавалось, что данные статьи «не совсем гармонируют с известной статьей 107»³⁵.

В соответствии с Положением о пошлинах за право торговли и других промыслов 1865 г. (с последующими дополнениями и изменениями на протяжении второй половины XIX в.) торговля могла производиться как с платежом пошлин, так и без платежа таковых. В законодательстве содержался четкий перечень торговых действий, которые должны были производиться только со взятием (покупкой) соответствующих торговых свидетельств. В исследованиях, посвященных анализу торговой правосубъектности, можно встретить характеристику торговых прав, предоставляемых торговыми свидетельствами их владельцам. Причем подобные права рассматриваются в качестве компонентов правосубъектности физических лиц³⁶.

Согласно закону торговые свидетельства подразделялись на купеческие и промысловые. Купеческие свидетельства предоставляли их владельцу помимо торговых прав ряд привилегий и обязанностей купеческого звания. Промысловые — только лишь торговые права.

По купеческому свидетельству 1-й гильдии было разрешено производить оптовую торговлю по всей империи отечественными и иностранными товарами, лично или через приказчиков; содержать для этого в городах конторы, склады, амбары с условием платы билетного сбора за подобные заведения; производить в городах и селениях того уезда, в котором приобретено свидетельство, розничную торговлю и иметь для этого лавки и магазины; содержать там же фабрики и заводы, ремесленные заведения; принимать подряды и поставки.

По купеческому свидетельству 2-й гильдии разрешено было производить розничную торговлю отечественными и иностранными товарами в том уезде, где было взято свидетельство; содержать лавки и магазины, а также фабрики и заводы; принимать подряды и поставки³⁷.

Промысловые свидетельства подразделялись на: 1) свидетельства мелочного торгова, которые позволяли содержать лавки и магазины для продажи товаров, поименованных в особых росписях (приложениях); 2) свидетельства на разносный и развозный торг, по которым дозволялось торговать мануфактурными и колониальными товарами вне городов, посадов и местечек³⁸.

Подобные права, которые предоставлялись по свидетельствам, в законе именовались как «права торговли», «права на торговлю», «права на производство торговли и промыслов». Однако значения для торговой правосубъектности они не представляли. Возможность приобретения подобных документов определялась торговой правоспособностью и дееспособностью. По замечанию П. П. Цитовича, такие права могли иметь последствия только для прав состояния³⁹, как признак сословности; «они безразличны для торгового права, как права “всех званий и состояний”»⁴⁰. В связи с этим, целесообразно согласиться с мнением Н. И. Нарсесова, который рассматривал торговые свидетельства и билеты на торговые и промышленные заведения в качестве фискальных условий производства торговли⁴¹. Из этого следует, что принадлежность к купеческому званию (которое можно было и не приобретать вместе с купеческим свидетельством) не расширяло торговую правосубъектность. Иными словами, сословные права могли предоставлять преимущества в сроках покупки торговых свидетельств, освободить от телесных наказаний и рекрутской повинности, но никак не в области торговой правоспособности.

Таким образом, торговая правосубъектность подданных Российской империи во второй половине XIX в. базировалась на принципах свободы торговли и всеобщности, провозглашенных Положением о пошлинах за право торговли и других промыслов 1863/1865 гг. Она была тесно связана с общегражданской право- и дееспособностью. Установленные ограничения торговых прав участников рынка в первую очередь связывались с их возрастом и этнической (для евреев) принадлежностью. Ограничения, вызванные фискальными интересами государства (в частности, кругом прав, предоставляемых по торговым свидетельствам и билетам), нецелесообразно связывать с торговой правосубъектностью, так как правоспособные и дееспособные участники рынка имели потенциально равные права, а приобретение торговых документов высшего порядка — купеческих свидетельств (предоставлявших максимальный спектр прав на занятия торговой деятельностью) всецело зависело от экономических возможностей участников рынка.

Примечания

¹ Экономическая история: взгляд из XXI века: Институциональные аспекты теории и практики хозяйственной жизни. М., 2016. С. 29, 32–33.

² Давыдов М. А. Всероссийский рынок в конце XIX — начале XX в. и железнодорожная статистика. СПб., 2010. С. 8.

³ Китанина Т. М. Хлебная торговля России в конце XIX — начале XX века: Стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб., 2011; Роднов М. И. Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния в конце XIX — начале XX вв.). Уфа, 2012.

⁴ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 56–65.

⁵ В соответствии с законодательной базой Российской империи второй половины XIX в. к торговым действиям причислялись: строение, починка и содержание купеческих кораблей; денежные переводы на русские и иностранные города, банковское дело; содержание лавок и столов для размена денег; содержание заведений для сделок о покупке и продаже ценных бумаг; содержание страховых контор; содержание справочных для найма квартир, покупок и продажи имуществ; содержание ремесленных заведений, фабрик, заводов; извозничество; вступления в обязательства с казной по договорам о поставках товаров и подрядах (Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов 1865 г. Ст. 2 // ПСЗ. Собр. 2. Т. 40. СПб., 1867. № 41779. С. 157).

⁶ Татаринова Е. П. Становление предпринимательской правосубъектности женщин в конце XIX — начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 5, ч. 2. С. 173–175; Ганусенко И. В. Правосубъектность лиц промыслового налогообложения по русскому законодательству 2-й половины XIX в. // Сибирский юридический вестник. 2014. № 2. С. 3–10; Жолобова Г. А. Торговая правоспособность евреев в России во второй половине XIX — начале XX века // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2004. № 2. С. 189–203.

⁷ Белькова Е. Г. О категориях «правосубъектность» и «праводееспособность» // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2006. № 6. С. 55.

⁸ Кузнецов С. В., Хасимова Л. Н. Институт правосубъектности в общей теории права: основные подходы и взгляды // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 2. С. 37.

⁹ Наден В. В. Элементы правосубъектности в гражданском праве // Проблемы законности: Сб. науч. тр. Вып. 125. Харьков, 2014. С. 133–134.

¹⁰ См.: Архипов И. В. Модернизация торгового права и коммерческого процесса России в XIX — начале XX вв.: Дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2000. С. 67–105.

¹¹ Цитович П. П. Учебник торгового права. Вып. 1. Киев; СПб., 1891. С. 28.

¹² Там же. С. 30.

¹³ Цитович П. П. Очерк основных понятий торгового права. Киев, 1886. С. 4–5.

¹⁴ Гольмстен А. X. Очерки по русскому торговому праву. Вып. 1. СПб., 1895. С. 1.

¹⁵ Ганусенко И. В. Правосубъектность лиц промыслового налогообложения. С. 7.

¹⁶ Гольмстен А. X. Очерки по русскому торговому праву. С. 1.

¹⁷ Там же. С. 30–31.

¹⁸ Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов 1863 г. // ПСЗ. Собр. 2. Т. 38. СПб., 1866. № 39118. С. 3–31.

¹⁹ Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов 1865 г. // Там же. Т. 40. СПб., 1867. № 41779. С. 157–175.

²⁰ Нерсесов Н. И. Торговое право. М., 1896. С. 46–47.

- ²¹ Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов 1865 г. Примечание к статье 20 // ПСЗ. Собр. 2. Т. 40. СПб., 1867. № 41779. С. 160.
- ²² Устав торговый. Ст. 15, 16, 17 // СЗРИ. Т. 11, ч. 2. СПб., 1899.
- ²³ Там же. Ст. 114, 139, 592.
- ²⁴ Устав Консульский. Ст. 3 // Там же.
- ²⁵ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Ст. 1171 // Там же. Т. 15. СПб., 1899.
- ²⁶ Там же. Ст. 1173.
- ²⁷ Свод законов гражданских. Ст. 221 // Там же. Т. 10, ч. 1. СПб., 1887. С. 33.
- ²⁸ Там же. Ст. 228. С. 35.
- ²⁹ Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов 1865 г. Ст. 79 // ПСЗ. Собр. 2. Т. 40. СПб., 1867. № 41779. С. 169; Свод законов гражданских. Ст. 270 // СЗРИ. Т. 10, ч. 1. СПб., 1887. С. 41.
- ³⁰ *Нерсесов Н. И.* Торговое право. С. 50.
- ³¹ Свод законов гражданских. Ст. 107 // СЗРИ. Т. 10, ч. 1. СПб., 1887.
- ³² *Цитович П. П.* Очерк основных понятий торгового права. Киев, 1886. С. 36.
- ³³ *Гольмстен А. Х.* Очерки по русскому торговому праву. С. 36–37.
- ³⁴ Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов 1865 г. Ст. 20, 22, 67, 82 // ПСЗ. Собр. 2. Т. 40. СПб., 1867. № 41779. С. 160, 161, 167, 169.
- ³⁵ *Нерсесов Н. И.* Торговое право. С. 51.
- ³⁶ Например, см.: *Енамукова З. К.* Торговая правосубъектность в России второй половины XVII–XIX веков: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 119–144.
- ³⁷ Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов 1865 г. Ст. 32, 33 // ПСЗ. Собр. 2. Т. 40. СПб., 1867. № 41779. С. 162.
- ³⁸ Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов 1865 г. Ст. 40–45 // Там же. С. 163–165.
- ³⁹ Здесь имеется в виду возможность приобретения купеческого звания путем взятия гильдейского свидетельства.
- ⁴⁰ *Цитович П. П.* Очерк основных понятий торгового права. С. 37–38.
- ⁴¹ *Нерсесов Н. И.* Торговое право. С. 51.

С. А. Саломатина

РАСШИРЕНИЕ РЫНКА БАНКОВСКИХ УСЛУГ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ, 1860–1910-е гг.: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ *

Банковский кредит — это важный инструмент распределения ресурсов в экономике, влияющий на возможности роста и развития. Именно поэтому в нашем исследовании делается попытка оценить доступность кредита в системе акционерных коммерческих банков Российской империи. Банки такого типа существовали с 1864 г. и специализировались на кредите предпринимате-

* Проект РФФИ № 16-06-00539 «Формирование рынка банковского капитала в Российской империи, 1874–1913 гг.: базы данных, статистический анализ, геоинформационные технологии».